

СРАВНЕНИЯ В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

Г. ЗАБУЛИС

Каждому, кто держал в руках Гомера, из поэтических средств отца поэзии, пожалуй, прежде всего запомнились его многочисленные и очень разнообразные сравнения. Причина появления большого количества сравнений на ранней стадии поэтического развития, как правильно утверждает английский ученый Найт¹, видимо, заключается в том, что поэтическому мышлению на раннем этапе его развития вообще было свойственно сопоставлять неизвестное с известным. Эта черта приняла соответствующую форму в раннем народном творчестве. В искусстве аэдов и рапсодов способ сравнения неизвестного с известным превратился в определенный прием художественного слова. Ими была отработана не только сама форма сравнения, но видимо были созданы и какие-то общепринятые, повторяющиеся типы сравнений.

Сравнение, унаследованное Гомером вместе с другими приемами поэзии рапсодов, значительно отличалось по своей форме от сравнений, употребляемых в народном творчестве. Значительно изменилось и предназначение сравнений. Достаточно только всмотреться в сравнения Гомера, чтобы сказать, как далеки они от примитивного поэтического мышления. В этих сравнениях раскрываются новые стороны событий и жизни, изображаемой поэтом. Сравнения у Гомера играют не только подчиненную, но и вполне самостоятельную роль, как образы живой жизни, нарисованные с большим поэтическим мастерством. Можно не ошибаясь сказать, что если мы говорим о реализме Гомера, то этот термин в первую очередь должен быть применен именно к этим реалистическим картинкам из гомеровских сравнений.

Но с другой стороны эти же сравнения являются средством, которое придает гомеровскому рассказу возвышенное звучание. Следовательно, эти реалистические картинки в контексте эпического рассказа начинают играть роль в какой-то мере противоположную своему содержанию.

¹ W. F. J. Knight. *Roman Vergil*, London, 1945, p. 170—171.

Когда мы читаем Гесиода, первого из дидактических поэтов, писавшего в стиле Гомера, мы не можем не удивиться тому, что там нет сравнений. В «Трудах и днях» мы находим только одно сравнение, но и то очень отличающееся от гомеровских. Здесь люди во время холода сравниваются с триногим:

Выглядят люди тогда, как триногий

С сгорбленной круто спиной, с головою к земле обращенной:

Бродят, подобно ему, избегая блестящего снега.

(Труды и дни, 533—535. Перевод В. В. Вересаева)

Если смотреть на приведенный пример с точки зрения гомеровского сравнения, то даже трудно было бы причислять его к сравнениям, так как формально он совсем не выделяется в самостоятельную художественную единицу.

Почти не пользуются сравнениями как художественными средствами эллинистические последователи Гесиода, такие как Арат и Никандр. Возможно, что такое положение следует связывать с общим направлением эллинистических литературных школ, которые, отбрасывая эпическую поэзию, как таковую, отказались и от наиболее характерных ее художественных приемов². Такой вывод, видимо, подтверждается и тем фактом, что у представителей философского эпоса, которые являлись более ранними преемниками Гесиода, мы находим немного другое положение. Правда, произведения греческих философов погибли, за исключением небольших фрагментов, но и среди этих фрагментов мы находим интересные в поэтическом отношении места. Так, среди фрагментов Эмпедокла мы находим несколько развернутых сравнений. Он, напр., появление большого разнообразия окружающего мира сравнивает с работой художника (Frag. 23). Имеется одно у него даже очень развернутое сравнение, напоминающее гомеровское скопление сравнений. Это знаменитое сравнение с клепсидрой:

Так водяными часами из меди блестящей играет

Девочка; ибо когда всё отверстие трубки зажавши

Ручкой изящною, в мягкую массу воды серебристой

Их погружает, то влага в сосуд не проходит, давлением

Воздуха сжатого там у отверстий теснимая частых.

Но лишь только сгущенному воздуху доступ откроет,

Тотчас давление слабнет, и влага в сосуд проникает.

Точно также, когда весь сосуд наполняет водою.

² Довольно много мы встречаем сравнений у Аполлония Родосского, главного противника официально принятой александрийской эстетической теории. Но у него сравнения играют, если можно так назвать, декоративную роль, т. е. они появляются тогда, когда рассказ становится сухим и монотонным, для того, чтобы оживить, украсить его, или тогда, когда нужно замедлить действие. Там где действие развивается более стремительно, как напр., в III книге, сравнения встречаются сравнительно редко.

Девочка ручкой своею зажавши отверстие трубки, —
 Внутрь устремляясь извне, эфир оттесняет к проходу
 Узкому, глухо-шумящему влагу, сам верх занимая.
 Но с удаленьем руки, обратное прежнему зрится:
 Воздух во внутрь устремляется, влага же прочь вытекает.
 Так всякий раз, когда нежная кровь...

(Фраг. 100,8—22. Перевод Г. И. Якубаниса)

Здесь шла речь о процессе дыхания, который в этом фрагменте рассматривается как процесс, зависящий от приливов и отливов крови на поверхности тела. Так как Эмпедокл поясняет это явление самыми обыкновенными физическими законами, то он нашел нужным в целях большей явности привести аналогичные примеры с водой и воздухом³. Чтобы эти примеры были более тесно вплетены в общий контекст, поэт придал им форму развернутого гомеровского сравнения. Таким образом, в этом примере сравнение по своему значению приближается к сравнениям, возникавшим на исходном пункте их развития, а по своей форме они близки к гомеровским сравнениям.

Лукреций, не смотря на исключительную популярность в его время александрийца Арата, писал, очевидно, под значительным влиянием Эмпедокла. Он довольно часто прибегает к сравнениям. Фойстель⁴ насчитывает в его поэме таких случаев всего 163. Правда, у него понятие сравнения очень широкое, что говорит о возможности и других подсчетов. Однако тем не менее каждый, кто знаком с Лукрецием, должен признать, что сравнение играет в его объяснениях значительную роль. С другой стороны, не должно быть удивительно, что в отношении лукрециевых сравнений приходится применять какие-то особые мерилы. Дело в том, что имеются нередкие случаи, когда сравнение у него не соответствует общепринятым формальным требованиям, а также нетрудно найти и такие факты, которые показывают противоположное: формально выдержаны все признаки сравнения, а по существу их принадлежность к сравнениям очень сомнительна.

Многие сравнения Лукреция выражены только одним или несколькими словами, которые по ходу объяснения дополнительно освещают какую-то сторону мысли (I, 1102, II, 222, III, 488, 1044, IV, 873, V, 516, VI, 1099 и др.). Такие сравнения могут быть поставлены в один ряд с цитированным выше примером из Гесиода. Но имеются у него и широко развернутые картины, введенные в поэму в форме сравнений (I, 280 и сл., II, 552 и сл., III, 408 и сл., IV, 513 и сл., V, 540 и сл., VI, 109 и сл.). Иногда они вводятся с целью повышения образности рассказа (I, 936 и

³ Следует отметить, что само устройство и назначение клепсидры недостаточно ясно. Поэтому толкование приведенного текста вызывало большие трудности. Нам кажется, неплохое толкование дали Пауэл и Ласт, см. *J. U. Powell. The Simile of the Clepsydra in Empedocles.* — „The classical quarterly“, XVII, 1923, Nos 3, 4, p. 172—174; *Hugh Last. Empedocles and his Clepsydra again.* — „The classical quarterly“, XVIII, 1924, Nos 3, 4, p. 169—173.

⁴ *H. Feustell. De comparationibus Lucretianis, Halis Saxonum, 1893, p. 6.*

сл., IV, 1097 и сл. и т. д.). Но чаще всего это иллюстративные материалы, вставленные в рамки сравнения, как это видим в приведенном отрывке из Эмпедокла. Вот, напр., как он сравнивает с буквами возможность различных сочетаний атомов:

Quin etiam passim nostris in versibus ipsis
multa elementa vides multis communia verbis,
cum tamen inter se versus ac verba necessest
confiteare et re et sonitu distare sonanti,
tantum elementa queunt permutato ordine solo:
at rerum quae sunt primordia, plura adhibere
possunt unde queant variae res quaeque creari (I, 823—829).

Как видим, цель этого сравнения только одна: сделать более доступной для читателя абстрактную мысль из атомной теории, дать возможность ему подумать над теми фактами, которые он наблюдает ежедневно.

Если даже говорить о форме этого сравнения, то она явно отличается от обычной. Здесь мы не находим общепринятых в латинском сравнении союзов вроде *ut, velut, non aliter, sic*, которые использовал не в одном месте и Лукреций. Наоборот, здесь сравнение начинается просто обращением к читателю (формально к Меммию): *quin etiam... vides*. Подобным образом он начинает сравнения и в других местах, напр.: *quin etiam... tibi* (V, 294), *nonne vides* (II, 196, V, 1602), *contemplator enim... videbis* (II, 114) и др. Такое введение сравнений через непосредственное обращение автора к своему читателю совершенно ясно раскрывает нам основной смысл сравнений у Лукреция: как и у Эмпедокла они служат ему в качестве одного из способов научной аргументации. Поэтому содержание его сравнений составляют как раз позитивные наблюдения самого автора⁵.

С другой стороны, такие сравнения, потеряв свои формальные признаки, сближаются с обыкновенными иллюстративными примерами, начинающимися очень часто также оборотами *nonne vides* (II, 207, 203, I, 646 и т. д.), иногда союзами, не имеющими сравнительного смысла, как, напр., *nam, namque, quippe etenim* (II, 317, 352, 453, IV, 901 и т. д.), а в некоторых случаях даже совсем без союзов (III, 1060 и сл., IV, 572 и сл.). Некоторые такие иллюстративные описания, в свою очередь,

⁵ Интересные мысли по этому поводу высказывает Т. Франк (*T. Frank. Life and literature in the Roman republic*, California, 1930, p. 242—244), который утверждает, что Лукреций строил свои логические выводы при помощи индуктивного метода. Поэтому он старается подтверждать свои мысли многочисленными примерами и описаниями. Т. Франк в этой связи ссылается на произведение Филодема по логике, фрагменты которого были найдены в развалинах Геркуланума. По словам автора, Филодем «подробно останавливается на значении тщательно подобранной аналогии, так как в области незримого — в эволюционной космологии, атомной теории и психологии — метафора и сравнение всегда были и всегда будут плодотворными средствами науки» (стр. 244). С другой стороны, Филодем требовал строить всякие выводы на исключительно точных наблюдениях, использовать только существенные сходства и уместные сравнения. Этот трактат появился видимо после смерти Лукреция, но Т. Франк предполагает, что он мог слышать лекции Филодема.

логически еще могут рассматриваться как сравнения, совсем потерявшие необходимую внешнюю форму этого художественного приема, как, напр., описание стада на пастбище или легионов на поле маневров (II, 317—322, II, 323—330)⁶. Однако в общем то они создают предпосылки для перехода и переходят в так называемые дигрессии, которые особенно широкое развитие получили в «Георгиках» Вергилия, как с точки зрения идейного содержания, так и с точки зрения их роли в композиции поэмы.

* * *

«Георгики» Вергилия по своему содержанию имеют очень много общего с поэмой Лукреция, хотя предмет изображения у одного и у другого поэта различен. Возникает естественный вопрос о том, какую роль играют сравнения в «Георгиках». Интерес к этому вопросу еще повышается тем, что в «Буколиках», написанных в духе александрийской поэзии, сравнения не выделяются как самостоятельные художественные средства. Встречающиеся отдельные сравнения в I, V и VIII эклогах (Вис. I, 26, V, 45—47, VIII, 80—81, 85—89) использованы в таком контексте, что возникает сомнение, следует ли эти сравнения считать сравнениями. Наоборот, сравнения в «Энеиде» играют значительную роль и отличаются большим разнообразием. Многие из сравнений «Энеиды» тесно связаны с Гомером, причем даже их число распределяется в поэме аналогично Гомеру: в первых шести книгах, написанных по примеру «Одиссеи», сравнений значительно меньше, чем во второй половине поэмы, использовавшей пример «Илиады»⁷. Но Вергилий создавал и совсем оригинальные сравнения. Как в обработке примеров из Гомера, так и в создании оригинальных сравнений гомеровского типа, Вергилий проявил себя как большой мастер.

Это свое мастерство он отработал как раз в «Георгиках». Как и следовало бы надеяться, у Вергилия имеются сравнения, аналогичные тем, каких мы встречали у Лукреция, т. е. сравнения, входящие в область научной аргументации. Такими сравнениями—примерами особенно отличается II книга «Георгик», которая и по содержанию стоит близко к Лукрецию. Вот один пример, очень напоминающий по своей форме цитированное выше сравнение атомов с буквами. Речь идет о сортах винограда, перечисление которых Вергилий заканчивает следующими словами:

Sed neque quam multae species nec nomina quae sunt
est numerus: neque enim numero comprehendere refert;
quem qui scire velit, Libyci velit aequoris idem
discere quam multae Zephyro turbentur harenae,
aut ubi navigiis violentior incidit Eurus,
nosse quot Ionii veniant ad litora fluctus (II, 103—108).

⁶ Фойстель (De comparationibus Lucretianis, p. 7, 8, 9 sqq.) рассматривает эти примеры как сравнения, Г. Герке второй пример считает экскурсом (G. Härke. Studien zur Exkurstchnik im römischen Lehrgedicht, Würzburg, 1936, S. 17).

⁷ Конкретно о зависимости Вергилия от Гомера в построении сравнений см., напр., P. Richter. De Vergilio imitatore poetarum graecorum, Halis Saxonum, 1870; A. M. Guillemin. L'originalité de Virgile, Paris, 1931, p. 137—146.

Как и у Лукреция, мы здесь не видим необходимых для сравнения союзов. Вергилий как и Лукреций обращается к читателю (*qui scire velit*), предлагая ему самому сделать сопоставление. Правда, приводимый Вергилием пример для сравнения не относится к числу каких-нибудь его особых наблюдений. Он просто заимствован из области общеизвестных литературных образов. Но у него имеются и такие примеры-сравнения, которые основаны на собственном опыте или на известных ему научных материалах. Так, напр., для того, чтобы показать, какие веселения имеются в деревне после окончания тяжелых летних трудов, что подробно описывать Вергилий не имеет ни желания, ни места, использовано сравнение этих веселий с известным читателю празднеством, обозначающим окончание морского года (I, 302—309). Вместо того, чтобы описывать поля, пригодные для скотоводства, он приводит для сравнения пример своей родины Мантуи (II, 198—202); описав образец плодородной почвы, он дает живой пример, сравнивая ее с полями Кампании (II, 224—225), где он проживал, когда писал «Георгики»; подсказывая способы лечения овец от воспаления (*febris*), он приводит для сравнения такой же способ, известный ему из жизни бизантов и гелонов (III, 461—463). Приводя такие примеры-сравнения, Вергилий достигает большой конкретности в своих объяснениях, его разговор с читателем становится непосредственным и живым, так как речь идет о хорошо известных поэту и читателю вещах. Но с другой стороны, как только поэт начинает приводить примеры из области, известной только ему одному, результат получается обратный: его объяснения приобретают признаки александрийской учености.

Но в «Георгиках» мы находим не только такого рода сравнения. Здесь имеются 18 сравнений, которые и по форме, и по содержанию полностью соответствуют сравнениям, использованным Вергилием в «Энеиде». Они распределяются по книгам следующим образом: I — 2 (201—203, 512—514), II — 1 (279—283), III — 5 (99—100, 196—201, 237—241, 346—348, 470—471), IV — 10 (80—81, 96—97, 170—175, 195, 261—263, 313—314, 433—435, 473—474, 499—500, 511—515). 7 сравнений вошло в дигрессии (в I книге — 1, в III — 2, в IV — 4), а остальные — помещены в дидактическом тексте. Примечательно, что меньше всего сравнений эпического характера мы находим во II книге, где больше сравнений типа Лукреция, и больше всего в IV книге, которая на половину написана на материале Гомера. Это уже совершенно ясно говорит о роли Гомера в накоплении Вергилием эпических средств изображения для «Энеиды».

Наиболее интересны для нас сравнения, использованные в дидактическом тексте, так как они представляют собой какие-то новые качества дидактического эпоса. Они дают возможность судить о изменении характера поэмы. Установив их роль в контексте, мы можем более точно определить отношение самого поэта к предмету своей поэзии.

В первой половине «Георгик» Вергилий прилагает большие усилия чтобы побороть сухость александрийской дидактики, освободиться от

присущей ей абстрактности. Правда, в начале своей работы над поэмой, особенно в первой ее книге, он нередко прибегает и к чисто александрийским приемам оживления своего рассказа. С этой целью, нам кажется, в поэму введено описание небесных зон (I, 231—251). Такой же цели с формальной точки зрения служило и описание культа Цереры в той же книге (I, 338—350), а также более или менее развернутые мифологические иллюстрации. Но наряду с этим появляются и новые приемы, идущие от Лукреция, а также и от Гомера, в частности — сравнения. Все же в первую половину поэмы Вергилий вводит сравнений довольно мало. Эти сравнения здесь помогают больше расположению мысли, а не ее изложению, т. е. играют больше композиционную роль, чем стилистическую. Они появляются там, где поэт чувствует необходимость продолжать начатую им мысль, но не находит способа для этого, или наоборот, когда, распространившись на каком-нибудь вопросе, не находит пункта, на котором мог бы остановиться. Так, в первой книге «Георгик» мы замечаем, что поэт, то и дело, сбивается, не находит общей идеи, объединяющей весь рассказ, как бы перескакивает от одного вопроса к другому. Естественно, иногда появляются и обрывающиеся мысли. Вот, напр., после сравнительно длинной дигрессии, в которой философски объясняются причины возникновения тяжелого труда в деревне (I, 121—159), Вергилий начинает говорить о подготовке к севу, но при этом останавливается больше всего на сельскохозяйственных орудиях, указывает несколько незначительных примет, в то время как подготовке семян к севу уделено лишь несколько строчек (I, 193—96). К тому же Вергилий затрагивает новый большой вопрос о вырождении злаков (I, 197—200), но его не развивает. Стараясь мысль свою сделать как-то более полной, не дать ей повиснуть незаконченной, он переводит ее в образ, который преподносится в форме сравнения:

...Non aliter quam qui adverso vix flumine lembum
 remigiis subigitt, si bracchia forte remisit
 atque illum in praeceps prono rapit alveus amni (I, 201—203).

Отсюда уже начинается новая мысль о времени сева, которое по традиции антики указывается при помощи звезд.

Противоположный случай имеется в конце книги. Первая книга «Георгик» заканчивается большой, политически заостренной дигрессией. Переход к дигрессии тоже достаточно последователен и обоснован. Но зато найти место, где остановиться, поэту показалось делом не совсем легким. Вергилий начинает говорить о гражданской войне, о бедствиях в стране. В конце концов он вспоминает внешних врагов. Однако рассказу о войнах с ними он не находит формы. Тогда он прибегает к сравнению и на нем, совершенно непривычным образом, заканчивает книгу:

Saevit tota Mars impius orbe:
 ut cum carceribus sese effudere quadrigae,
 addunt in spatia, et frustra retinacula tendens
 fertur equis auriga, neque audit currus habenas (I, 511—514).

Таким образом, хотя приведенные примеры полностью соответствуют форме сравнения, по своему назначению они мало отличаются от цитированного выше лукрециевского сравнения, которое помогло Вергилию закончить растянувшееся перечисление сортов оливы и винограда⁸. Наконец, не надо забывать также о том, что сравнение, заканчивающее I книгу «Георгик», и текстуально связано с Лукрецием, который использовал аналогичный образ среди примеров, подтверждающих наличие свободной воли у живых существ (II, 263—265).

Из всего выше сказанного становится довольно ясно, что сравнения первой половины «Георгик» вообще как-то тянутся к Лукрецию. Это безусловно объясняется общим характером этой половины поэмы, приближающимся к характеру поэмы «О природе вещей». Будучи построенной в основном на отвлеченном повествовании, а не на описаниях, как и поэма Лукреция, эта часть «Георгик» не предоставляла другого места для сравнений, кроме как для пояснения абстрактных положений и выводов. Только одно сравнение во II книге Вергилия является в какой-то мере исключением. Имеется в виду место, где он описывает, как должна производиться посадка деревьев (II, 274 и сл.). Указав, что на холмах и склонах деревья должны сажаться квадратными рядами, Вергилий это довольно наглядное указание поясняет еще широким сравнением, которое вносит больше образности, чем ясности:

...Nec setius omnis in unguem
arboribus positis secto via limite quadret,
ut saepe ingenti bello cum longa cohortis
explicuit legio et campo stetit agmen aperto,
directaeque acies, ac late fluctuat omnis
aere renidenti tellus, necdum horrida miscent
proelia, sed dubius mediis Mars errat in armis:
omnia sint paribus numeris dimensa viarum... (II, 277—284).

Заметно, что характер этого сравнения отличается от вышеприведенных: расширилась его образность по сравнению с предыдущими, но тем не менее в текст оно вошло более гладко, слилось с общим течением изложения. Это получилось потому, что сравнение здесь использовано для пояснения мысли, носящей в какой-то мере описательный конкретный характер, чего как раз в значительной мере не хватает первой половине «Георгик».

Вторая половина «Георгик», будучи построенной в основном на описательном повествовании, проблему введения сравнений в текст решила очень легко. Цели повышения образности описаний вызывали необходимость использовать как можно больше сравнений, а сами описания легко вмещали в себе любые сравнения. Поэтому их число во второй половине резко выросло: если в первой половине поэмы мы имели 3 сравнения (не считая примеров, построенных по типу Лукреция), то во второй их уже 15. Из них только три использованы в целях обеспечения стройности рассказа. Два случая встречаются в аналогичных мес-

⁸ Сравнения и у Лукреция иногда появляются на стыках мыслей, напр. I, 823 и сл., II, 552 и сл., 847 и сл., 1013 и сл., III, 408 и сл., IV, 513 и сл.

тах: перед последними основными дигрессиями III и IV книг. Дигрессия в III книге, состоящая из описания чумы в Норике, вводится в текст путем последовательного перехода от рассказа о заболеваниях овец. Эту последовательность как раз обеспечивает сравнение:

Non tam creber agens hiemem ruit aequore turbo,
quam multae pecudum pestes (III, 470—471).

Дигрессию об Аристее ввести в текст последовательно не было никакой возможности, так как рассказ переходит от описаний природы в эпиллий, т. е. в мифологические просторы. В данном случае удвоенное сравнение возродившихся пчел с дождем и парфянами (IV, 312—14) помогло завершить предыдущую дидактическую часть, после чего можно было путем риторического вопроса присоединить материал совершенно иного характера.

Третий случай встречается в дигрессии о пастухах Ливии (III, 339—348), которая заканчивается двумя параллельными образами:

...Omnia secum
armentarius Afer agit, tectumque laremque
armaque Amyclaeumque canem Cressamque pharetram;
non secus ac patriis acer Romanus in armis
iniusto sub fasce viam cum carpit et hosti
ante expectatum positus stat in agmine castris (III, 344—348).

Композиционная роль этого сравнения заключается не только в том, что оно заканчивает рассказ о Ливии, соответствующим образом его пополняя, но также в том, что оно создает возможность постепенно перейти к описанию Скифии (III, 349—383). Таким образом, описания двух различных стран образуют одну дигрессию⁹. Наконец, это сравнение своим содержанием уходит в римскую реальность и тем самым как будто подчеркивает контрастную связь всей этой дигрессии с предыдущим рассказом о прекрасном пастушеском лете в Италии (III, 322—338).

Все остальные 12 сравнений, встречаемых во второй половине «Георгик», предназначены, в основном, только для повышения образности рассказа. Из них 7 помещены в дидактическом тексте, несмотря на то, что во второй половине поэмы, в силу значительного расширения дигрессий, дидактическим пояснениям осталось значительно меньше места. Эти сравнения, за исключением немногих примеров, в основном, небольшие, высказанные одной—двумя строками, картинные, которые вводятся по ходу какого-нибудь описательного пояснения. Исходным пунктом такой картинке, как правило, является сказуемое описания, вызвавшего данное сравнение. Так, напр., старый конь напрасно на войне беснуется, как иногда большой, но бессильный огонь в соломе (III, 99). Вышедшие в бой пчелы клубятся и стремятся падать, как не падает с воздуха град, и не сыпятся жолуди со встрянутого дуба (IV, 80—81); из двух видов пчел одни безобразно

⁹ Структуру этой дигрессии разбирала Г. Герке (Studien..., S. 50—53).

шершавают, как путник, когда он идет из глубокой пыли и истощенный пересохшим ртом плюет на землю (IV, 96—98); с приближением ветра пчелы часто камушки берут, как неустойчивые лодки груз во время качания волн, и с ними по пасмурному воздуху равновесие держат (IV, 195—96). В силу этого, как видим, сравнение всегда является неожиданным дополнением к описанию, значительно расширяющим его образность, но не повреждающим стройности дидактического повествования. Способ создания таких сравнений, по всей вероятности, был взят Вергилием у Лукреция, у которого мы находим немало примеров аналогичного характера (I, 761—2, III, 11, 440, 488, IV, 376, 605—606, 618—619, 727, V, 222—225, 803—804, 813, 827, 946—947, 1339—1340, VI, 148—149, 161—162, 177—179, 257, 314, 501—502, 504, 515—516, 1032, 1099, 1121—1122, 1169, 1329 и т. д.). Однако у Лукреция, как правило, нет этой неожиданности, открывающейся в сравнении картины, так как у него она строится на более полной параллели между дидактическим описанием и описанием в сравнении. Кроме того у Лукреция исходным пунктом такого сравнения не всегда является глагол. Очень часто оно зависит от существительного или даже прилагательного, в силу чего параллельность двух сравниваемых образов становится еще более очевидной. Эта разница между примерами из Вергилия и Лукреция, нам кажется, особенно ясно подчеркивает новое назначение сравнений во второй половине «Георгик» Вергилия. Дело в том, что Лукреций, пользовавшийся сравнениями как аргументами по аналогии для пояснения своих доказательств, был заинтересован в том, чтобы приводимый для сравнения пример имел как можно больше сходства с его научными аргументами. Наоборот, Вергилию, искавшему возможностей ввести в рассказ как можно больше разносторонних образов, такое параллельное повторение описаний казалось излишним. Это говорит о том, что сравнения во второй половине «Георгик» возвращают себе ту роль, которую они играли в эпической поэзии.

Правда, Лукреций тоже пользовался сравнениями, по своему характеру очень близкими к эпической поэзии. Однако это имело место, как правило, в описательных экскурсах, а также не без влияния Гомера, которое он испытывал непосредственно¹⁰, или через Энния¹¹, явившегося основоположником гомеровской традиции в римской литературе. Значит, литературная традиция в построении сравнений во второй половине «Георгик», по сути дела, имеет более широкие истоки, а именно гомеровские. В этом отношении имеется очень любопытный пример развернутого сравнения, где Вергилий бег коня сравнивает с ветром:

Tum cursibus auras,
tum vocet ac per aperta volans, ceu liber habenis
aequora vix summa vestigia ponat harena;
qualis Hyperboreis Aquilo cum densus ab oris
incubuit Scythiaeque hiemes atque arida differt
nubila: tum segetes altae campique natantes

¹⁰ H. Feustell. De comparationibus Lucretianis, p. 47—48.

¹¹ Там же, стр. 49.

lenibus horrescunt flabris, summaeque sonorem
dant silvae, longique urgent ad litora fluctus;
ille volat simul arva fuga simul aequora verrens (III, 192—201).

Материал для этого сравнения Вергилий заимствовал у Лукреция (I, 271—79). Лукреций описание ветра ввел в свой текст не из-за каких-нибудь развлекательных соображений, а, наоборот, по строго научной необходимости. Ему нужно было доказать существование атомов — маленьких невидимых тел. В этих целях он описывает силу ветра, распространение различных запахов (*varii odores*), накопление и испарение влаги, рост организмов, чего человек не замечает глазами, но ясно чувствует другими своими чувствами. Правда, описание ветра у него получилось наиболее развернутое. Он увлекся не только своими поэтическими образами, но присоединил сюда также и образы, созданные Гомером (*Iliad.*, V, 87, XI, 492). Он выделил их в отдельно обработанное сравнение (II, 280—289), которое формально служит тоже как научный аргумент, но поэтически объединяется с описанием ветра и составляет одну, прекрасно написанную картину сил природы ветра и потока воды. Надо полагать, что и увлечению такими описаниями значительный толчок дал Гомер, если именно его образы были сюда привлечены. Следовательно, то, что из этих описаний потом перешло в «Георгики», надо рассматривать как слияние двух литературных традиций.

Если говорить конкретно об этом сравнении Вергилия, то надо подчеркнуть, что образ, заимствованный у Лукреция, здесь логически совсем неуместен, так как он совсем противоположный описанию Вергилия. Ведь Вергилий говорит об исключительно легком беге рысака (*vix summa vestigia ponat harena*), а Лукреций показывает сильный порыв ветра (*Aquilo densus*), который не только облака разносит, но также всколыхивает поля, леса и моря.

Более наглядно скрещение традиции Гомера и Лукреция проявляется тогда, когда Вергилий создает сравнение на материале героического эпоса, но придает ему форму научного примера. Мы имеем в виду ряд таких мифологических примеров, приведенных после описания рысака, возбужденного звоном оружия:

Talis Amyclaei domitus Pollucis habenis
Cyllarus et, quorum Grai meminere poetae,
Martis equi biiuges et magni currus Achillei.
Talis et ipse iubam cervice effudit equina
coniugis adventu pernix Saturnus et altum
Pelion hinnitu fugiens implevit acuto (III, 89—94).

Как видим, из такого скрещения двух традиций получилось нечто среднее между Лукрецием и Гомером.

Во второй половине «Георгик» имеется и ряд настоящих гомеровских сравнений. Это сравнение с морской волной идущего в бой быка (III, 237—41; *Iliad.*, IV, 422—426), пчел с циклопами (IV, 170—175), жужжания больных пчел с ветром, морем и огнем (IV, 261—263; *Iliad.*, XIV, 394—399), Протея с деревенским пастухом (IV, 433—436; *Odyss.*, IV, 411—413) и плачущего Орфея с соловьем (IV, 511—515; *Odyss.*,

XIX, 518—524, XV, 216 и сл.). Все они дают очень живописные образцы, но пока еще очень не оригинальны, т. е. они прямо заимствованы у Гомера. С точки зрения римской литературной практики такие заимствования не ставились в упрек поэтам, но для нас теряют интерес, так как они не раскрывают тайны поэтической лаборатории Вергилия. Из ряда упомянутых сравнений выделяется только сравнение пчел с циклопами, которое не имеет прямого соответствия у Гомера; в нем использован только эпический материал:

Ac veluti lentis Cyclopes fulmina massis
cum properant, alii taurinis follibus auras
accipiunt redduntque, alii stridentia tingunt
aera lacu; gemit impositis incudibus Aetna;
illi inter sese magna vi brachia tollunt
in numerum versantq̄ue tenaci forcipe ferrum.
Non aliter, si parva licet componere magnis,
cecropias innatus apes amor urget habendi
munere quamque suo (IV, 170—178).

В этой связи необходимо вспомнить, что в первой книге «Георгик» мы имеем обратный случай. Вергилий взял одно гомеровское сравнение¹², снял с него формальную рамку и, немного изменив образ, содержащийся внутри, использовал как обыкновенный дидактический материал:

...Deinde satis fluvium inducit rivosque sequentis
et, cum exustus ager morientibus aestuet herbis,
ecce supercilio clivosi tramitis undam
elicit; illa cadens raucum per levia murmur
saxa ciet scatebrisque arentia temperat arva (I, 106—110).

Сопоставление этих двух противоположных фактов нам показывает, что именно в «Георгиках» Вергилий раскрыл гомеровский метод создания сравнений, т. е. метод создания развернутых картин, которые соприкасаются с общим текстом только в одном или нескольких пунктах, а потеряв это соприкосновение, могут быть использованы как самостоятельные поэтические образы. Раскрыв закономерности превращения самостоятельных описаний в сравнения и наоборот, Вергилий, по сути дела, весь описательный материал «Георгик» сделал пригодным для создания сравнений в «Энеиде». Этим открытием он и воспользовался. Прежде всего он там использовал вторично свое описание циклопов, но уже без рамки сравнения (Aen., VIII, 449—453). Наоборот, многие картины природы он перенес в «Энеиду» и, надев им соответствующую форму, привел как сравнения. Так, напр., стихи о возникаю-

¹² Iliad., XXI, 257—262:

Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатыстым; он и вождя далеко упреждает

(Перевод Н. И. Гнедича)

шем ветре (Georg., I, 356—359) были в сокращенном виде использованы в сравнении, характеризующем разговор богов (Aen., X, 97—99). Описание величавого дуба (Georg., II, 291—297) стало сравнением, характеризующем Энея (Aen., IV, 441—446). Описание боя быков (Georg., III, 219 и сл.) дало материал для нескольких сравнений в «Энеиде» (Aen., XII, 103—105, XII, 715—722). Охота за оленями из эпизода о скифской зиме (Georg., III, 371—375) в расширенном и переработанном виде получила отражение в «Энеиде», когда Эней, гонящийся за Турном, сравнивается с охотником (Aen., XII, 749—757); стали сравнениями в «Энеиде» также описания калабрийской змеи (Georg., III, 422—39; Aen., II, 471—75), пчел (Georg., IV, 162—169; Aen., I, 430—36) и т. д.

Выводы

1. Сравнения в «Георгиках» Вергилия прошли заметную эволюцию от простых образных примеров, необходимых для пояснения дидактического текста, до сложных сравнений гомеровского типа. В эволюции этого художественного средства решающую роль сыграло значительное влияние поэмы Лукреция.

2. Сравнения первой половины «Георгик» качественно отличаются от сравнений второй половины. В первой половине поэмы сравнений не только значительно меньше, но, главное, они здесь еще не достигли настоящей эпической широты, которая уже наблюдается во второй половине.

3. Введя гомеровские сравнения в дидактическую поэму, Вергилий качественно изменил дидактический стиль, основы которого заложил сам Гесиод.

PALYGINIMAI VERGILIAUS „GEORGIKOSE“

H. ZABULIS

Re z i u m ė

Palyginimai yra labai būdingas epinės poezijos stiliaus elementas. Vergilijaus „Eneidoje“ palyginimai yra sutinkami gana dažnai, o „Bukolikose“ poetas palyginimų, galima sakyti, visai nenaudoja.

„Georgikose“ pastebimas palyginimų kaupimasis. Analizuojant „Georgikų“ palyginimus, išryškėja Vergilijaus stiliaus evoliucija, jo artėjimas prie homeriško epo stiliaus.

Palyginimų atžvilgiu pirmosios „Georgikų“ knygos ir likusios poemos dalys yra skirtingos. Pirmoje poemos pusėje palyginimų yra kelis kartus

mažiau negu antrojoje. Be to, gana ryški „Georgikų“ palyginimų evoliucija nuo paprastų iliustracijų, reikalingų didaktiniam tekstui paaiškinti, iki sudėtingų homeriškų palyginimų. Žymų vaidmenį šioje evoliucijoje suvaidino Lukrecijaus ir Homero poezijos įtaka Vergilijui.

„Eneidoje“ Vergilijus panaudojo „Georgikose“ susiklosčiusią palyginimo formą. Be to, daugelis gamtos vaizdų paimta tiesiog iš „Georgikų“.
